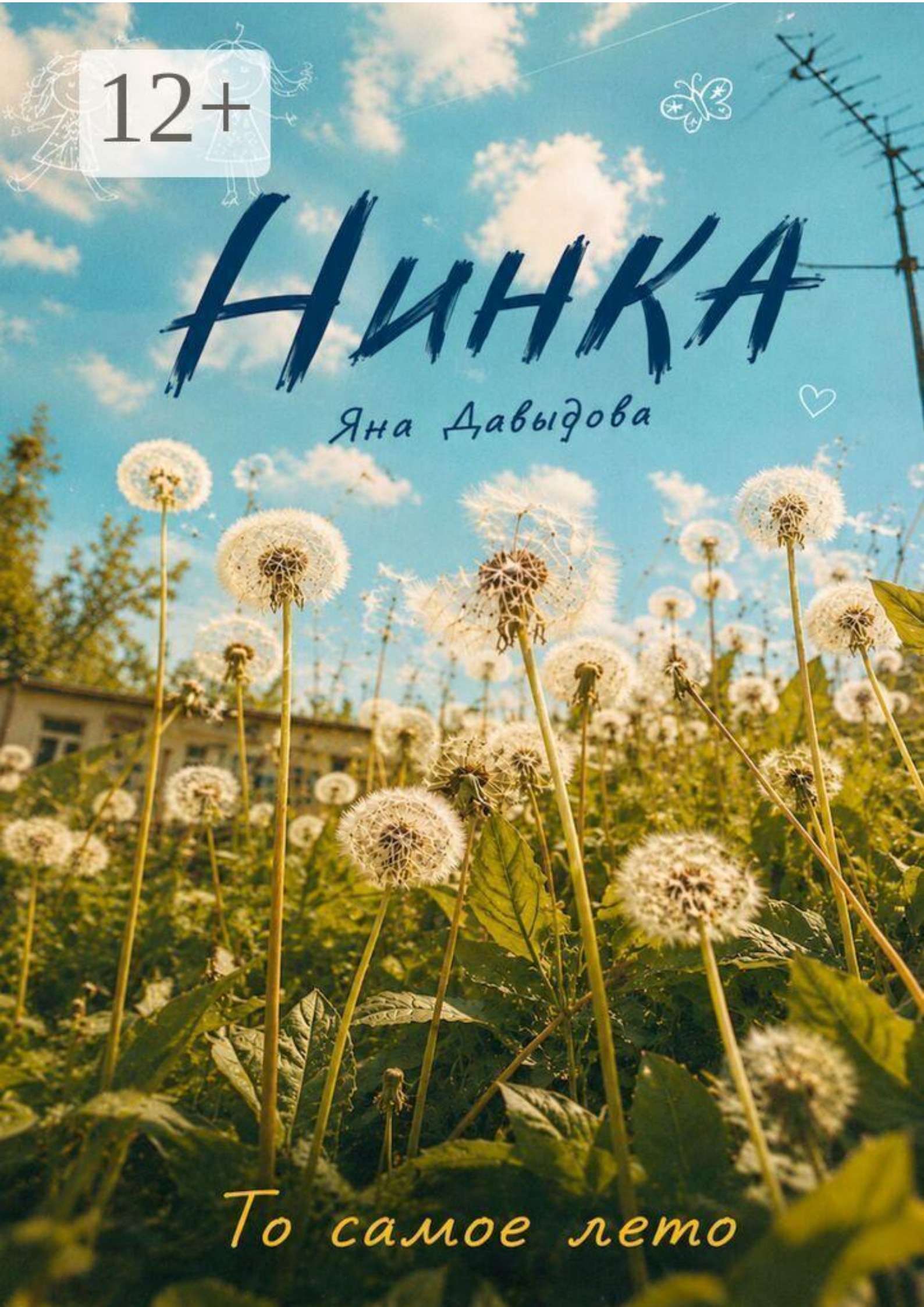

12+

Динка

Яна Давыдова

То самое лето

Яна Давыдова

Нинка

«Издательские решения»

Давыдова Я.

Нинка / Я. Давыдова — «Издательские решения»,

Самое страшное в детском лагере — не банщица с колючей мочалкой. Самое страшное — быть одной. Маше шесть, и она в лагере впервые. Здесь всё чужое: строгая Ленка, крутые вожатые, пугающая баба Тоня и девочка Нинка, которую в первый же день судят за воровство. Но Маша не хочет судить. И она отдает за Нинку свои заветные пряники. Так между девочками завязывается дружба длиной в целую лагерную смену, а может и гораздо дольше... Ведь это то самое лето, которое становится точкой отсчёта для целой жизни.

© Давыдова Я.

© Издательские решения

Содержание

1. Выкуп	6
2. Кто шагает дружно в ряд?	8
3. Ночь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Нинка

Яна Давыдова

© Яна Давыдова, 2026

ISBN 978-5-0070-4804-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Выкуп

Впервые Нинку я увидела на суде.

Она стояла посреди палаты в жёлтом линялом платице в мелкий цветочек. Мама бы такой подружки не одобрила: шапка спутанных волос, обрубленных под каре, заплаканное лицо с размазанной по щекам грязью, колени с потрескавшимися корками, сандалии с не застёгнутыми измочаленными ремешками.

При этом держалась она круто: сжатые губы, раздутые ноздри, взгляд прямо в глаза Ленке.

Ленке через две недели исполнялось восемь. Она была самой старшей. У нее были красивые джинсовые шорты и топик с Минни Маус, а на руке — куча разноцветных браслетов, штук десять или даже двадцать. Родители привезли её на машине. Они даже поднялись в палату и оставили на столе в пластиковой тарелке три мягких персика. Пушистые шарики пахли сладким летом. Сбоку на одном из них была вмятинка — должно быть, от пальца Ленкиной мамы. Из трещинки в кожице показался густой сок.

Ленка оставила персики на столе и ушла провожать родителей.

Когда Ленка вернулась, все девчонки уже были на месте, а персиков осталось только два.

Нинку вычислили сразу. Отпираться смысла не было: косточку нашли в кармане её платья. И теперь она ждала своего наказания за воровство.

Девочки смаковали версии, как свершить правосудие: закатать в волосы жвачку, испортить одежду, выставить без платья в коридор.

От каждой следующей версии моё тело все сильнее каменело. С этими взрослыми и чужими девочками мне предстояло провести здесь три недели и один день, целую смену в оздоровительном лагере! Я представляла себя без платья перед палатой мальчишек — те смеялись и глазели, — и от стыда сжималась в такой маленький комочек, что еще немного, и будто вовсе не существую.

Тут меня и заметили.

— А ты что думаешь? — грозная Ленка повернулась ко мне.

— Может, забрать у неё тоже что-то съестное? — предложила я робко.

— Она же детдомовская! У неё нет ничего! — От Ленкиных слов меня обожгло страхом: я никогда не видела детдомовских.

— Если мы испортим ей платье, то другого у неё может и не быть. Давайте лучше испачкаем! У нас же баня только на выходных — всю неделю будет ходить грязная, — рассудительно проговорила девочка в больших очках.

Я собрала всю свою смелость и прохрипела:

— Возьмите мои... — десять раз повторенная про себя фраза застряла у меня во рту. — У меня есть пряники.

Мама дала мне с собой шоколадные пряники — их было семь. Всю дорогу я поглядывала на мутный от обсыпки пакетик, мысленно развязывала плотный узелок и представляла, как размазываю вязкий сладкий комочек языком по небу, но пряники не тронула. Тем более, если бы я открыла их, пришлось бы делиться с соседкой.

Люба уступила мне место у окна: она была уже взрослой, закончила пятый класс, носила яркие значки на рюкзаке и красила губы блеском. Мама познакомилась с ней на точке сбора у Областной больницы, и попросила присматривать за мной, потом обняла меня и ушла с сестрой на руках. А я осталась с Любой. В автобусе она предложила мне пролезть к окну («Чего я там не видела?»), и мы поехали рядом.

И я тогда подумала, что Люба добрая и позаботится обо мне — ведь мне так хотелось смотреть на дорогу, прижавшись лбом к стеклу.

Но делиться с ней пряником всё равно не хотелось: они были из дома, от мамы. За окном автобуса мелькнула чужая мама с коляской. Стало невыносимо тоскливо, но слёзы я сдержала.

«Как будет здорово оставить два пряника и привезти домой, а потом съесть вместе с мамой!» — думала я тогда, в автобусе.

Но теперь я стояла в палате и отдавала их все выкупом за незнакомую лохматую девчонку.

2. Кто шагает дружно в ряд?

В палате нас жило шестеро. У окна расположились Ленка и Марина — они уже договорились, что будут подругами. В углу комнаты стояла двухъярусная кровать Лены и Крис. Да, у нас было целых две Лены, но вторая на главную была совершенно не похожа. Тихая, невысокая девчонка в очках, приехала в лагерь с огромным рюкзаком, из которого торчали две ракетки для бадминтона. Как ей только было не жалко их? Мне бы точно не разрешили взять в лагерь ничего стоящего.

Крис, наоборот, была шумной, весёлой и такой болтушкой: она жужжала без остановки и уже к ужину рассказала нам добрую половину своей недолгой жизни.

Так вот, мне досталось место на двухъярусной кровати вместе с Нинкой. У нас с ней не возникло разногласий, как расположиться: Нинка была в восторге, что будет спать наверху, где её никому не видно. Я же обрадовалась, что мне досталось место внизу.

С рождением сестры у нас в доме тоже появилась двухъярусная кровать, и меня определили наверх. Вечерами я лежала там и слушала, как мама укладывает сестру — она же младшая. Мамин голос был так близко, но я при этом чувствовала себя капитаном большого деревянного корабля, который отплыл далеко в море, откуда не видно земли... Короче, сейчас я была рада нижнему ярусу.

Наша с Нинкой кровать стояла у входа, и мне было видно коридор через открытую дверь.

Не успели мы разложить вещи в тумбочках, как мальчишки позвали нас на общий сбор. Мы пошли к беседке прямо через одуванчиковую поляну. Цветы были низенькие, прижатые к земле, как цыплята у бабушки в загоне — неуверенные, жёлтые, мохнатые. Мне казалось, что, если я лягу на траву, они щекотно прижмутся ко мне со все сторон. Я старалась не наступать на их пушистые кружочки.

В беседке ждали вожатые, Ася и Коля. Они были такими классными для взрослых: у Аси на шее был чёрный плетённый чокер, она носила короткий топ и шорты так, что было видно её проколотый пупок. А у Коли была татуха на руке! Я даже не представляла, что меня могут оставить на таких взрослых и даже обрадовалась — может, тут будет не так уж и плохо!

Ася сказала, что нам всем нужно познакомиться и придумать название нашему отряду.

Она достала большой мягкий мяч, разноцветный, сшитый из лоскутков, как радужный арбуз в полоску. Коля сказал, что будем знакомиться по кругу: кто ловит мяч — называет имя, возраст и что-нибудь про себя. Кто хочет, может добавить ещё что-то смешное или важное. Потом — кидает следующему.

Мяч полетел. Сначала неловко, потом всё быстрее и быстрее.

— Я Ленка, мне почти восемь, и я умею стоять на голове! — гордо заявила Ленка.

— У-у-у, покажи! — загудели все, а Ленка кинула мяч дальше.

— Крис, семь лет, у меня три попугая! — протараторила наша болтушка.

— Вот ты в кого такая! — засмеялась Ленка.

Нас было много, я очень старалась запомнить имена каждого, но мяч летал и летал, и все окончательно спуталось. Мне было страшно — а еще страшно хотелось, чтобы мяч прилетел и ко мне. Что бы я рассказала? Что у меня сестра! Нет, кто-то уже говорил, что у него есть младший брат. Может, что я люблю петь? Да мало ли кто любит петь, нужно что-то еще.

Все смеялись, перекикивали друг друга. Кто-то сказал, что у него аллергия на кошек, а кто-то — что не ест варёную морковь. И я, кажется, придумала: надо рассказать, что я сочиняю стихи и сказки, вот оно! Мама же всем друзьям так рассказывала про меня. У меня даже свой блокнотик для творчества был. Правда, на последнем листочке в нем мама вела телефонную книжку.

Но тут Ася ловко перехватила мяч и сказала:

— Все! Придумываем название!

И стало еще громче:

— Давайте будем «Космические Бобры»! — предложил невысокий мальчишка в синей футболке.

— Нет, «Огненные хвосты»! — перебил его другой, в высоких футбольных гетрах.

— Или «Отряд Аси и Коли»! — предложила Ленка и бросила быстрый взгляд на вожатых.

— В прошлом году уже был «Отряд Лены и Вити», так нельзя! — тихо сказала ей ее Марина.

— А ты откуда знаешь? — напала на подругу Ленка.

— Мне сестра рассказывала... И «Огненные хвосты» тоже были... — Марина даже побелела от страха перед Ленкой. Все замолчали и устали на них.

— Да тебе просто не нравится! — Ленка отмахнулась и развернулась обратно в круг.

Обсуждение возобновилось. Дальше Крис взвизгнула от восторга, предлагая, чтобы нас назвали «Шумные, как понос». Все заржали, даже Коля, хоть и сказал, что такого точно не будет.

Я сидела на краю скамейки и просто слушала. Мне было хорошо. Так хорошо, будто внутри кто-то раздувал мыльный пузырь — тёплый, лёгкий, переливающийся. Даже не хотелось ничего говорить, только слушать всех — и быть здесь.

И вдруг Ася ткнула в мою сторону пальцем и сказала:

— А ты что молчишь? Ты же не представилась?

Все обернулись. Я почувствовала, как уши запылали жаром, но всё равно сказала:

— Я... я Маша. Мне шесть. Я... пишу сказки... — В моей голове это звучало лучше, и я съёжилась, ожидая насмешек. Но ребят заинтересовало другое.

— Так в лагерь же с семи только можно! — обратился к Коле мальчик в гетрах.

Я съёжилась: мне что, нельзя тут быть? Я уже подозревала, что самая младшая, но что мне нельзя?

— Маша у нас исключительная просто! — Ася ласково посмотрела на меня. Какая же она классная, наша вожатая! Вот бы быть как она, когда вырасту... И тоже ездить в детский лагерь, кидать вот так мяч ребятам и защищать младших.

— Раз у нас настоящая сказочница, давайте будем «Сказочные кто-нибудь», — вмешался Коля. — Такого вроде не было.

Кажется, я надулась от восторга, как воздушный шарик, и была готова вот-вот взмыть к потолку: Коля посмотрел на меня и назвал меня настоящей сказочницей! А ведь он даже сказок моих не слышал, но поверил. Получается, я ему тоже понравилась. Я обняла себя покрепче и улыбнулась ему. Но обсуждение уже пошло дальше.

— «Сказочные Сардины»! — крикнул кто-то, и снова начался хохот.

Мяч снова полетел — теперь не по правилам, а просто так, в воздух, над головами. Кто-то вставал, кто-то хлопал в ладоши, и я вдруг поняла, что мне тут может быть очень весело.

Вечером мы продолжили отрядный сбор. Ася притащила белую простыню, фломастеры, клей, какие-то блестящие ленточки и даже старые пуговицы от формы. Коля добыл малярную кисть, рулон обоев и черенок от лопаты.

— У каждого отряда должен быть флаг, — сказала Ася. — Завтра утром — парад. Так что творите!

Мы сели в кружок на веранде, расстелили на полу обои и разложили на них флаг. Чтобы конец рулона не закручивался, мы придавили его стеклянной банкой с водой. Нинка тут же предложила нарисовать ракету, Крис — паука, потому что «паук — это символ свободы и независимости», а Коля подбросил идею с радугой:

— У нас же всё разноцветное. И мы тоже все разные, а вместе — крутые.

Я сидела чуть поодаль, смотрела, как остальные рисуют, спорят, вырезают.

— Маш, а ты умеешь рисовать? — спросила тихая Лена в очках, и я кивнула.

Она подвинула фломастеры:

— Поможешь облака сделать?

Я обвела контур, добавила капельки дождя — синие, аккуратные. Кто-то добавил солнце с закрытыми глазами, как будто оно спит.

Флаг получился странный: с ракетой, радугой, пауком, облаками и надписью «*Отряд Сказка*».

— Так мы «Сказка»? А девиз придумали? — строго спросил Коля.

Мне очень хотелось предложить и девиз, это же я назвала себя сказочницей. Наверное, Коля ждал от меня какую-то идею. Но придумать я ничего не могла: в голове только и крутилось, как ему понравится моя чудесная идея. А какая именно, я не успевала предложить.

И тут Нинка, которую я весь день не замечала, бойко ответила:

— Сказка может всё!

Она так смело это сказала, глядя на Колю, а потом сразу опустила взгляд и стала рассматривать свои пыльные ноги в стареньких сандалиях. На ее лодыжку как раз сел комар, и она звонко шлепнула по нему.

Все молча наблюдали за Нинкой: никто не спорил, но и не поддерживал.

— Раз возражений нет, — Ася встала с корточек в полный рост и потянулась, — значит, «Сказка может все». А теперь — пора спать.

И весь отряд послушно поднялся и побрёл к корпусу, ведь это был длинный первый день в лагере и все мы очень сильно устали.

Зато в этот длинный день мы с Нинкой придумали название и девиз.

3. Ночь

Я на озере. Вокруг вода, тёплая и ласковая. Мама берёт меня на спину и катает. Я хватаюсь за ее шею и кричу: «Покатай меня, большая черепаха!». Мама смеётся и отвечает «На шею не дави!». Я прижимаюсь к её мокрой спине. Солнце гладит лицо, я открываю глаза, чтобы посмотреть на него.

Я вижу фонарь за балконной дверью — это он светит на мою кровать. Остальные углы палаты темные, мамы рядом точно нет, а я лежу в тёплой луже. Лужа напоминает о пелёнках сестры. Мама заливает их водой в большом тазу и оставляет отмокать.

Я вскакиваю и стягиваю простыню: полосатый матрас под ней тоже намок, теперь все узнают. Что же будет, когда все узнают? Вспоминается суд над Нинкой. Этого нельзя допустить. Я не хочу!

Мамочка... Я расправляю простынь и ложусь обратно на кровать — теперь она стала предательски холодной. Я крепко-крепко сжимаю веки: хоть бы это все только показалось, только бы приснилось!.. Хоть бы это раз — и перестало быть!

Но липкая ткань никуда не исчезает, она холодит ноги. Может быть, я недостаточно сильно хочу? Только куда уж больше? Я снова зажмуриваюсь. Ничего.

Я глотаю слёзы и думаю, что делать. Мамы нет, Любу я ночью не найду: мы с ней не виделись с самого автобуса. До утра ждать нельзя. В этой чужой комнате среди спящих девочек, на виду у фонаря, у меня нет защиты. Кажется, из углов за мной наблюдают густые тени.

В окна заглядывают шелестящие ветки берез. Они шепчут, что ничего не исправить. А через открытую дверь надо мною глухо смеётся пустой коридор, всеми крашеными досками деревянного пола, далекими женскими голосами, незнакомыми и злыми.

Я сползаю на пол и сижу, прислонившись к своей кровати. Крепко-крепко жмурюсь: вдруг это всё-таки исчезнет, и я окажусь дома? Пусть меня разбудит крик сестренки, пусть мама встанет, зажжёт лампу, накинёт свой голубой халат с атласным отворотом и со вздохом возьмёт на руки сестру. А потом обернётся на меня, ещё раз вздохнёт и скажет: «Спи». И я спокойно усну. Вот почему перед сном желают спокойной ночи!

Но нет, фонарь светит упрямо, как полицейский прожектор в фильмах на кассетах. Меня застукали.

Нинку будить бесполезно: чем она мне поможет? Мама далеко. И я решаю будить Ленку: она же самая старшая, она знает, что делать.

— Лен, Лена-а-а, — тихонько шепчу я у её изголовья, но она не отвечает, тогда я тормошу ее за руку — Ле-е-ен...

Она медленно поворачивается и открывает глаза:

— Чё?

— Мне нужна твоя помощь, я это... — Я запинаюсь, как бы ей объяснить? — ...кровать намочила...

— Поздравляю! А я тут при чём? — Ленка говорит медленно, лениво, чтобы не спугнуть свой сон.

— Помоги мне... — я бессильно смотрю на неё.

Ленка вздыхает, нехотя встает и подходит к моей кровати. Мы вместе посмотрим на матрас и скомканную простынь на полу.

— А-а-а-а, ты обоссалась? — говорит Ленка так громко, кажется, все сейчас проснутся. Слёзы текут по лицу, я уже даже не всхлипываю, просто жду, пока меня спасут.

— Ну и спи, че я сделаю? Зассанка...

— Леночка, ну пожалуйста! — я складываю ладони, чтобы она поняла, как это важно.

Ленка смотрит на меня, будто прикидывая, стою ли я её усилий.

— Ладно, жди, — выходит в коридор.

Минуты тянутся и тянутся. Я быстро шепчу молитву, которой меня научила мама.

Вернулась Ленка вместе с Асей. Я по-прежнему стояла у кровати и рыдала. Ася зевнула, посмотрела на Ленку, на меня, на мокрый матрас — и сказала:

— И как ты только всех тут не перебудила? Горе луковое, — она положила мне руку на голову. — Пойдем, поспишь на свободной у нас, а матрас днем на балконе просушим.

Я представила, как утром по пути в столовую все отряды будут озиаться на наш балкончик на втором этаже. Он единственный будет отличаться от всех других: на нем будет выставлен полосатый матрас с огромным желтым пятном.

И ребята будут переговариваться: «Не знаете, кто это? — Как не знать, это же Маша из „Сказки“! — Которая самая младшая? — Ага, она самая, рано памперсы с нее мама сняла!».

Если бы только нашёлся способ не выходить завтра из палаты... И послезавтра. Сказаться больной, попросить, чтобы еду мне приносили и прятаться здесь ото всех...

Только теперь я почувствовала колющие осколки ногтей во рту: я же обещала маме не грызть ногти, они уже отросли тоненькими беленькими полосочками, и вот опять. Что же я за человек такой? Я спрятала руки за спиной.

— Ну, ты идешь? — Ася уже вышла из палаты, прошла несколько шагов, но вернулась, когда поняла, что я не сдвинулась с места.

— Мне переодеться надо... И еще я грязная. Мне теперь так до бани ходить придется, да? — Кажется, осознание этого стало последней каплей, и я снова расплакалась от жалости к себе.

— Бери с собой полотенце и пижаму, всё сейчас решим, — сонная Ася в огромной футболке при всей своей хрупкости действительно выглядела как человек, который все решит.

Так и мама: несмотря на всю усталость, она сначала грустно вздыхала, говорила что-то про отца, который вечно пропадает на ночных полётах, но потом спокойно и верно приводила всё в порядок, одно за другим. И мир снова становился понятным, надёжным и мягким.

Ася отвела меня в вожатскую, которая находилось в конце коридора. Там меня ожидало несколько открытий: оказалось, что наши вожатые тоже живут мальчишки с мальчишками, а девочки с девочками. Поэтому у Аси в комнате спал не Коля, а другая вожатая. Я вздохнула с облегчением: оставалась надежда, что Коля о моём позоре не узнает.

А ещё выяснилось, что в вожатской был свой душ. Да, всего лишь небольшой закуток, но Ася разрешила мне там помыться, и теперь мне не нужно было ходить такой до самой бани. Тёплая вода текла тонкой струйкой, и я всё не могла понять, достаточно ли хорошо я помылась, поэтому в душе я провела слишком много времени: когда я наконец вышла, Ася уже спала крепким сном.

Я догадалась, что лечь мне нужно на свободную, третью кровать. Тогда я повесила полотенце на белую металлическую спинку и легла. Ася, лежавшая с закрытыми глазами, походила на Спящую красавицу: у нее были густые черные ресницы, волосы красиво спадали на лицо. Ну как же я сразу не догадалась ее разбудить?

Я корила себя за то, что посвятила в свою тайну Ленку и боялась, что же будет утром: она обязательно расскажет остальным, и все будут смеяться. Не только наша палата, а все палаты, и мальчишки тоже будут смеяться. Про Нинку всем рассказали, значит, и про меня расскажут. Вот Нинка воровка, а я теперь зассанка буду. И никто не будет со мной больше дружить, останется мне только Нинка.

А Ася хорошая. Интересно, она меня может пустить к себе жить, если мне будет совсем плохо там, в палате? Только бы этого не повторилось, только бы никогда больше...

В вожатской уже светало, а я всё ворочалась. Мне казалось, что этой ночью я больше не усну, и я разглядывала коричневые завитки на бумажных обоях. С постера над кроватью Аси на меня смотрели пятеро парней в кожаных куртках и цепях. Надпись на английском ничего

мне не говорила, но было понятно, что это какая-то крутая иностранная группа. Получается, Ася привезла с собой этот плакат и приколола его четырьмя иголками к стене. Из открытой форточки было слышно первых птиц: они радовались новому дню, громко чирикали и шумно взбивали крыльями воздух, перелетая с ветки на ветку. Июньский ветерок покачивал флажки, разбегавшиеся от люстры к углам вожатской. Я пыталась сосчитать оранжевые треугольники, закрепленные на нитке, но уснула.

Разбудили меня перед самым завтраком: Ася дала мне поспать подольше. Так и сказала, что ночка у меня выдалась непростая, поэтому зарядку можно и пропустить. Возвращаться в палату было страшно, но девчонки встретили меня восхищенными вопросами.

— Ты что, в вожатской спала? — Крис даже не давала мне возможности ответить. — И как там? Лучше, чем у нас, мебель? А ты видела косметику Аси?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.